

Сибирская Жизнь

Въ Субботу, 25-го марта 1906 года.

„Желосливый сынок“.

(Сценки въ семьѣ Многовыхъ).

Только что Пахомъ всталъ къ избу, какъ мать его уже встрѣтила вопросомъ: — Какъкъ это ты опять книги принесъ? Пахомъ былъ старшимъ сыномъ. Вся семья изъ состояла изъ двухъ братьевъ, двухъ маленькxъ сестеръ, отца и матери. Пахому шелъ двадцать первый годъ. Онъ былъ средняго роста, широкоплечъ съ ясными голубыми глазами, съ правильными лицомъ, но изрѣкxъ оспой.

— А вамъ что?—отвѣтилъ онъ на вопросъ матери вопросомъ и притомъ чуть-чуть улыбуясь: онъ не могъ равнодушно вынести пристально-пытливый взглядъ матери, которымъ она всегда встрѣчала его, если онъ, что-нибудь приноситъ,—ему похвально то всегда казалась эта ея робость пѣшшя.

— Што смѣшное?, али ужъ мать дура стала?

— Ну кто васъ такъ называетъ?. Что вы только слѣдите за каждымъ шагомъ, какъ шпионы?—Отвѣчалъ Пахомъ уже раздраженно.

— Н зья ужъ матери и слова сказать... — Никто вамъ говорить не запрещаетъ, сами всегда притягиваетесь... всегда такъ подозрительно смотрите...

— Какъ-же за вами не смотреть!?—опять смѣлывало заговорила мать—нести, носить книги-то книги, читаютъ себя полна, никому ничего не скажутъ: о чемъ читаютъ, нашу читаютъ?.. Пугеваю отъ ничего не выдетъ, кто-бы книги-то добрыя были-бы, а то вѣдь вотъ наемные поклаза батюшкинъ...

— Вы показали батюшкинъ?—вскринула Пахомъ...—Ну какъ же послѣ этого вы не шлоныте... Не достаетъ еще полиця привести.

— Што кричать-то?. Ну да, показала.. вонъ ту въ полотномъ переплетѣ... Онъ сказалъ, что хоть она и не запрещеная, но худая, говоритъ, матушка Андреевна, эта книга. Этого-то человѣкъ, который се написалъ.. Некрасовъ, што-онъ, прозывается—былъ дворянинъ, говоритъ,—это изъ тѣхъ людей, которые возставали на батюшку-Царя за освобожденіе крестьянъ,—и что-бы, говоритъ, обмануть народъ, разнаколотъ его, онъ-то, Некрасовъ, и писалъ тая жалостливыя пѣсни... будто-бы онъ такъ объ народѣ жалѣлъ, будто-бы онъ такъ жьсь его зналъ! А на самомъ дѣлѣ, говоритъ, онъ все пѣсньствовалъ да въ карты игралъ...—вотъ што батюшка-та, отецъ Николаевъ, про ваши книги сказалъ, —нехорошя все, говоритъ, книжки, если все, говорить, ихъ будутъ читать, то доброты, говорить, мало будетъ изъ вашихъ дѣтей... —Ну что ты шары-то вытарашаешь!.. право настоящій сумасшедшій!..

— Ничего! дождико, что еще хорошаго сказала вамъ вашъ попъ... съ сокажнѣмъ глядя на мать, отвѣчалъ Пахомъ.

— Ноткуда про хорошее-то говорить, не заслужили... А ты че съ такою гордостью говоришь... Эхъ, ребята, ребята... абынные шлоны ужъ вы стали!

— Ови только одна умины, а всѣ остальные дураки,—вдохнувъ, добавила она.

— Откуда вы это взяли? кто вамъ говорить, что вы сами считаете умины, а всѣхъ дураками?..

— Да какъ-же! какъ ты отвѣчаешь родителямъ-то? какъ ты говоришь про старшихъ да еще про духовныхъ лицъ?—Ишь што хорошаго сказалъ вамъ вашъ попъ!..

— Мама, мама,—начая головой, сказалъ Пахомъ,—сколько мы съ вами про все это говорили и вы опять свое... оставте лучше и не раздражайте

— Нѣтъ, это вы раздражаете! Учились бы все... заниматься ничѣмъ не хотѣть, хозяйство бросили... — Оставьте, оставте... будетъ ужъ про это... Вотъ лучше-бы было, если-бы обидѣть али.

— Не-ва-што обидѣть-то давать... Праздникъ,—люди добрыя всѣ въ церкви, а вы все шлаетесь, книги все таскаете... небось отъ чтенія книгъ-то не будешь. — А Павелъ гдѣ?—желая остановитъ мать, спросилъ Пахомъ. — А кто васъ знаетъ, гдѣ вы рыскаете?, вотъ тутъ еще какъ барбось носится!..

— Да что вы ругаетесь?—проперково еще говоритъ... сами-то больше нагрѣшите... оставте лучше... да давали-бы обидѣть...

— Погода, не слыхнешь! Пускай отецъ придетъ изъ церкви,—сказала мать и вышла за перерогомъ къ дѣвкѣ.

Оставшись одинъ Пахомъ сѣлъ къ столу и раскрылъ принесенную книгу. Но ему не читалось, мысли ему не давали покоя: онъ сегодня узналъ важное, для себя извѣстѣе, что и ему, увидѣшему только въ низшей школѣ, есть возможность продолжать учене, не смотря на его года. Ему сказали, что въ университетскомъ городѣ есть курсы и что на нихъ попасть легко... Какіе курсы?—Онъ себя этого лаяо не представлялъ, ему все равно, лишь-бы вѣдать и учиться... Теперь ему не давали покоя мысли: какъ?уцѣшь, какъ тамъ жить безъ денегъ?—И, что еще, тяжелѣй всего—бро-

Петръ Ивановичъ Макушинъ. Къ сорогодіюмъ его общественной дѣятельности.

стороннему показывалъ онъ.—Вотъ отецъ! хотя онъ сейчасъ ни за что не берется—выпиваетъ больше и все говоритъ: „сынъ теперь у меня есть, пускай они и работаютъ и смотрятъ за всѣмъ дѣломъ“—все, что теперь будетъ дѣлаться—все для нихъ“. Пахомъ дальше не могъ мысли „уловить“ словами: все такъ быстро замѣлало... „Нѣтъ“—потомъ уже узнавшись за главную нить, медленно проговорилъ онъ,—если я уѣду, такъ не забудь, отецъ, возмется за дѣло, да первое время и Павелъ поможетъ... Вдѣ!.. во что-бы то ни стало „удѣ!“ И сокончивъ со стула, онъ быстро заходилъ по избѣ...

Въ это время зашелъ отецъ и перекрестилъ на иконѣ. — Што забѣгали, какъ строишь?—спрашалъ онъ, сердито оскалдѣвъ на Пахома:—али у господъ научился, или про эвѣ вашихъ книжкѣхъ научился.

Пахомъ порывисто сѣлъ на лѣжку и молчалъ. Въ избу забѣжали „сестренка“, какъ называли ихъ Пахомъ, потомъ немного погодя пришелъ и Павелъ. — Ну что, обидѣтъ?—спросилъ онъ. — Погода, не умреть,—отвѣчала мать, хотя собралая уже на столъ.

Первымъ сѣлъ къ столу отецъ, стар-

пропадилъ.. слушали-бы родителей, да женились-бы давно...

— Ну что вы всегда съ этимъ приваиваетесь? женились-бы, да жонились!

— А што-жь вы всю жизнь монахины што-ли променяте!— презрительно глядя на Похому, вставалъ отецъ.

— Никто вамъ не говоритъ, что монахины... я вѣдь, кажется, вамъ уже говорилъ...

— Што-жь ты говоришь? Учились-то што-ли?!

— Ну да—учились, и еще причны, если вы не забыли... А учились я даже теперь уже окончательно рѣшилъ и въ половинѣ дѣла „ѣду на курсы“.

— Алая!—вскринула мать.

— Воланы! ты, боланы! Вѣдь это поду-мать только надо!—21 годъ ему, а онъ по-ѣдетъ учиться!—Дуракъ ты, больше ничего...

— Что вы заучили-то...

— Нѣтъ, ничего, голубчикъ... Погода! сказалъ, такъ теперь не уцѣшь!.. Женитъ, обязательно женитъ!.. Созовемъ всю родню, свяжемъ да женимъ!.. врешь, тогда отъ ба-бы ты не уцѣшь!.. Ховетъ-то паркуримъ!..

Павелъ засмѣялся.

Пахомъ-то же сперва улыбуясь: — Чурбанъ я вамъ что-ли, что вы меня насильно хотите женить...—Но потому съ негодованіемъ и уреними продолжалъ:

— Какъ вы на женить-бу-то смотрите!.. вѣдь связалъ, да и женилъ!.. У васъ такъ и дѣлается, хотя не связывають, но по-лучается все самое... Вы вѣдь когда жене-те, то жонка и вѣкxъ развѣ призна-ете за людей?.. Вы ихъ считаете не способными къ чувствованію, я думаю: какъ вы захотите, такъ и должно быть!.. На вѣн-стѣ вы смотрите, какъ на корову—рагочу-стывъ кричалъ Пахомъ,—вамъ-что-бы толстая, здоровая была она, чтобы выуче-лось больше народы!.. Эхъ вы! хотите, чтобы слушались васъ,хотите,чебу то насъ учить!.. Но намъ не то надо!.. Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. не тс!.. Отчаянно вскрикнулъ онъ,чувствуя,что все равно онъ имъ не объяснитъ, что именно имъ (ему, Павлу) надо...

— Ладно, ладно, не шибко-то кричи,—перебила его мать и, когда онъ замолчалъ, продолжала: ишь чему научился!.. натаскаютъ чертъячкѣхъ книгъ, читаютъ, читаютъ, а потомъ и заговорятъ: какъ на корову смотри!..—до чего дошелъ! Нѣтъ, стой, такъ не забудь... сейчасъ же пожуе всѣ дѣлывовѣ книги!..

— Попрошете, такъ и заплатите! кни-ги-то вѣдь не мои... а она Некрасова стоить шѣ рублей!..

— Наче не посмотрю... все равно!.. — Што ты съ нимъ говоришь!—сказалъ отецъ—къ намъ вѣдь теперь чертъ сидѣтъ!.. Охъ ты!.. такъ вотъ тебѣ и садану!—и онъ замаяхивалъ на Пахома кулакомъ.

Пахомъ высковочилъ изъ-за стола и ушелъ въ другой конецъ избы. Тамъ онъ остано-вился возле того стола, на которомъ лежали его книги, и сталъ смотреть на стѣнку, увѣшанную открытками съ портретами писателей. Онъ ничего не сказалъ на по-ступокъ отца, но успокоившись не могъ-былъ пермнннн и думать: „вотъ тутъ и живѣ!.. вѣдь доведутъ до чего,—даже за-рѣсать весь... это что-то не хороше, зѣрское... но вѣдь выведутъ-то все отецъ!“ Но вотъ, онъ трихнулъ головою, какъ будто-бы отогнанъ надобидивная дуны и лицо его просило: онъ сосредоточился на портре-тахъ, ему стало радостно, что и у нихъ въ такой-объѣстѣхъ портреты великихъ людей...

— Што-жь, ты, убѣнажь? што не жрешъ?—сказала мать, обращаясь къ Пахому, но онъ ничего не отвѣчалъ.

— Што-жь, ты, не говоришь? ишь ты: и смотришь не хочешь!..

Пахомъ же стоялъ и смотрѣлъ на стѣнку, онъ почти не слышалъ словъ матери—такъ увлѣлся своимъ созерцаніемъ!

Онъ остановившись взглядомъ на портретѣ Л. Толстого, портретъ этотъ былъ большою, недавно подаренной ему, и вѣругъ лицо его измѣнилось, онъ намолчился черезъ столъ, ближе къ портрету, и тутъ уже не вытерѣлъ!

— Это что за чортъ!.. Что это на самомъ дѣлѣ!.. Совсѣмъ выжилають!.. дѣвуть

Пожарный обозъ въ селѣ Усѣв-Чарышская пристань.

сью свою семью: этикъ маленькія иль-дыя сестренки... Вѣдь бѣдота кругомъ!.. А я все-таки былъ порядкомъ поспоремъ для семьи!.. А эту мать... вѣдь она столько трудится... все сама работае: и огородъ копаеъ, дворъ чиститъ... все, все... Жалко!.. что съ ней будетъ?.. Эхъ!..—тяжело вдохнувъ, вслухъ произнесъ Пахомъ, и опять продолжалъ думать: „сейчасъ мать что и ругаетъ, но виновата ли она въ томъ?—Нѣтъ, не виновата она, что погрязла въ невѣжествѣ, въ предрасудкахъ... Вся эта жизнь!.. Условия такія!.. Если-бы она была образованна... Если-бы училась она? Что бы съ ней тогда вышла!.. Да, она не виновата“—мысленно подтвердилъ самъ себя Пахомъ. Онъ не могъ найти словъ для выраженія того что бы вышло изъ образованной матери, но чувствовалъ, логически, что было бы совсѣмъ другое. Да!..—опять сказалъ онъ вслухъ и посмотрѣлъ кругомъ по избѣ: скользя быстрымъ взглядомъ по полу, по потолку, по стѣнкамъ. Полю во многихъ мѣстахъ прогнилъ, стѣвамъ покосилась, оконныя подпуги толще погнила и вывалива-лись!.. „Вотъ оно...—какъ будто-бы кому-то

тедно перекрестившись. Пахомъ и Павелъ сѣли не крестясь.

— Что рожня-то, болваны, не крестите, чисто буурманъ стали!—сказалъ онъ имъ. Ты ничего не отвѣчалъ и прильнулъ къ стѣнѣ.

— Чистая бѣда, зачитались книги, ни кого не признають,—подхватила мать.

— Вы что, ругаться хотите?—спокойно спросилъ Пахомъ.

— Какъ-же съ вами не ругать-ся!.. какъ-же не ругаться!?—опять заговорила мать.—Забѣгли одно: учиться и учиться, хозяйство бросили. Нѣтъ-бы што-нибудь для дома сдѣлать, а онъ беретъ скорѣй за книжку!..

— Что вы поймали одно—хозяйство да хозяйство... Что намъ еще надо! Павелъ служитъ, а Павелъ,—все, что зарабатываемъ, все отдаемъ вамъ.

— Што-жь, што вы работаете? Никто вамъ не говоритъ, што-бы вы не работали... вотъ жили-бы вы, какъ другіе, какъ добрыя люди живутъ!..

— Какъ, какъ другіе, что-бы по кабакамъ мы, да по трактирамъ ходили!.. — Да не всегда по кабакамъ!.. не безъ этого!.. Но только что-бы за книгами-то не

драться... все, что ершишься вымотри! И браться да еще, мало всего этого, еще и извешивать!.. Ну кому это?.. Кому? Ну кому было!.. Кто это выколол глаза Толстому?.. Кому он вышвырнул?..

— Не кричи, не испугайся!.. сказала мать.. Мало еще глаза выкололи, а их пожу, всхл.. Видь это антихристы!.. вы только ишь теперь и вбрите!

— Антихристы!.. дворян! Пахом!.. Ну, как с вами послѣ этого говорить?..

— Да вы шито!.. теперь у вас и Бога, ни чорта!.. Ни во што ишь вы теперь не вбрите.. Одно: смотрите на отца и мать, как на дураков!..

— Опять это!.. Пахом! махнув рукой вышел из избы.

Вот пароходъ уже отходит, и Пахом, стоя на его борту, кричит: Прощайте!.. Прощайте!..

— Прощай, Пахом!..—отвѣчает Павел и махает фуражкой..

— Туа!.. На протр!..—дonesлся до Пахова слова брата, вышвырнувшись из десятков других криковъ, провозгласив своихъ близкихъ, и это были послѣднія слова, больше оиъ ничего не слыжал, видѣть только какъ кланялись Павел и «сестренка» его..

Пароходъ уже былъ далеко и, разрывая носомъ воду, вслѣдствіи ее и все удалялся и удалялся.. Герасимъ Шилевъ.

За городскими шагала по четыре въ рядъ, длинной колонной, съ директоромъ во главѣ, ученики коммерческаго училища и пѣли какой то похоронный маршъ. На пѣнь показався мнѣ ужасно знакомымъ, а я наконецъ разобралъ слова, тѣмъ жертвою пала въ борьбѣ роковой.

«Вотъ такъ исторія!», подумалъ я. «Очевидно хоронятъ жертву безпроявляю въ средне-учебныхъ заведенияхъ; во кого же, учителя или ученика?»

Но когда колонна миновала меня, я замѣтилъ, что духовенство отсутствовало въ процессіи.

его губы шептали: «Mea culpa, mea maxima culpa!» Его поддерживала полъ руки два молодыхъ человека.

«Должно быть отецъ покойнаго», подумалъ я. Горно терять даровитыхъ дѣтей, высоко влетѣвшихъ на жизненномъ пути и похищено угасшихъ!..

Искренно тронутый горемъ старца, я вѣшалъ въ толпу, двигавшуюся за колонной; среди провозгласившихъ я замѣтилъ множество лицъ, известныхъ въ городѣ; именитыхъ купцовъ, важныхъ сановниковъ, профессоровъ, педагоговъ, инженеровъ, докладывавшихъ новую городскую думу почти въ полномъ составѣ; всѣ эти лица шли въ головѣ колонны, а за ними бесконечнымъ хвостомъ двигались мѣщане, мелкіе торговцы, кузнецы, домовые звончики и т. п. люди. Въ толпѣ перебарывались въ плечелоса замѣчания.

«Скоро, скоро, укупили же обѣдню!» промовлялъ мужичина въ пальто шатскаго генерала.

Я востропулся: «Ей! Значитъ это женщина! А между тѣмъ столько вѣнокъ, столько засаузъ передъ обществомъ. Рядная, достойная женщина! Но кто же этотъ старецъ—отецъ или вдовецъ? Убылъ? Слѣдовательно жертва преступнаго покушенія! Но когда же оно случилось? Живу въ городѣ и ничего не слыжал!»

«Позвольте спросить», обратился я къ сосѣду въ дорогѣ! кушей шубы, «кто убилъ покойницу?»

«Шубанинъ, милый мой, наша легкомысленная публика, не умѣющая отличить искренняго друга отъ волка въ овечьей шкурѣ!»

Мое недоумѣніе только усилилось отъ такого отвѣта.

«Да-съ, и казнили бы не помогли!», замѣтилъ съотъ, слѣдовательно алереди меня.

«Она была богатая особа?» спросилъ я.

«Получила большое приданое отъ поклонниковъ, которые ее въ свѣтъ вывели; но не въ коня конь, какъ говорятъ!» проворчалъ высокой господиной въ татарскѣ.

«По гривенничку за стору плати а, покойница, вотъ и размотала приданое, а таланитавыхъ сотрудничать такъ и не прѣсрѣла, заболѣла чахоткой и скончалась!», проговорилъ съотъ въ ироніи.

«Какъ же говорятъ, что ее убави!» воскликнулъ я, совершенно сбивъ съ толку этия рѣчи.

«Ну да, конечно убави! Это все надѣты просятъ!» бурчалъ шатскій генералъ.

«Какіе надѣты? При чемъ тутъ надѣты? Неужели она была погешительница и казеннаго корпуса и при заботѣхъ ее убави какой нибудь обезумѣвшей юности», подумалъ я, но не рѣшился высказать эти мысли вслухъ, потому что замѣтилъ уже кое-что взгляды сосѣдей и услышалъ даже несколько брошенныхъ слова, репортеры, что ли?.. слышавъ..

«Куда же ведутъ покойницу?» рѣшился я наконецъ спросить.

«Страннѣй вопросъ! На кладбище конечно, а сначала въ университетъ, гдѣ въ присутствіи дѣлгробнаго глубоко пручествовавшая рѣчи всѣхъ сотрудни тротуара и пропусали..

И которые щедро портали ее рѣшательную», охотно прибавилъ отъотъ; «заманчиво доносима и клеветовъ..

Я не вытерпѣлъ. Да скажите же наконецъ толковъ, господа, кто была покойница, какъ ее звали?»

«Вы съ дуемъ свалились кто ли? Не знаете о важномъ событіи, встревожившемъ весь городъ! Покойница называлась.. ния Но я такъ и не успѣлъ услышать, кто то за и звание странной покойницы: кто то началъ кричать «поляр!» чьи то губы расхватали меня за плечи и вытолкнули изъ толпы; я поскользнулся, свалился вонъ тротуара и пропусали..

Сѣвѣ мерзала на ночномъ столбѣ, а въ моихъ рукахъ дымился обрывокъ газеты; жена тушила остальное на полу ногабъ ироніи; въ комнатѣ пахло гарью.

«Не говорила ли я тебѣ сто разъ, что ты когда нибудь пожаръ надѣлываешь, читая газету въ постели при свѣчѣ, въ обстановкѣ такую, отъ которой поудержно клонитъ ко сну!» ворчала моя сеструта..

Несчастье въ рудникахъ Курьера. Работа ведется горнорабочими въ галлереяхъ.

«Похороны»

(Fungus)

«Средній такъ безпроявляю, хорошо умереть молодымъ».

А. И. пророкъ.

Съ шортфелемъ въ рукахъ, закутавшись въ шубу до ушей, и пробравшись осторожно по скользящимъ, нечищеннымъ тротуарамъ главной улицы города. Съ унылаго свинцоваго неба тучами смылились свѣжии ки и живій морозный вѣтеръ кружилъ ихъ въ воздухѣ и рвалъ липо. По всей ширинѣ улицъ растаялись въ полномъ беспорядкѣ крестьянскіе возы съ дровами и сѣномъ, стѣсня донельзя движенье; между ними лавировали извозчики съ побогрѣвшами отъ холода лѣтями и закутаннми сѣдоками, порой мчалась «собственное» рыскае, трусила «собственная» кляча; по тротуарамъ торолливо сновали вады и впередъ прохаживе, подгоняемые морозомъ. Но вотъ впередъ обычное безпроявляющее уличное движенье пришло въ полное замѣшательство: надъ шапками людей, черъ дугами и головами лоп адей покъзалась черная крыша балдахина, послышалось заунывное гвѣние. Возы и извозчики кое какъ сбѣжали къ тротуарамъ, давая мѣсто похоронной процессіи Я оставилась, чтобы поплавать.

«Неужели самоубійца!» мелькнула у меня мысль.

На колесникѣ гробъ срывался подъ громадной кучей черныхъ вѣнковъ; такіе же вѣнны вѣсели по угламъ балдахина и черныя широкия ленты съ бѣлыми надписями трепалися и щелкали по вѣтру. На лентахъ я замѣтилъ слѣдующія надписи: «Убѣжденному заштатнику собственности—отъ именитаго купечества».

Несчастье въ рудникахъ Курьера. Извлеченіе первыхъ жертвъ изъ шахтъ.

Вечеромъ когда Пахомъ дожился спать въ сараѣ вмѣстѣ съ Павломъ, Павелъ у него спросилъ:—Все таки ты Потомъ, вѣрно, рѣшился вѣхать?

— Теперь окончательно,—рѣшительно отвѣчалъ онъ,—я узналъ, что ешь курсы,—и оиъ тутъ расказалъ все, что сегодня узналъ объ нихъ..

— Знаешь, Пахомъ,—съ колебаниемъ заговорилъ Павелъ,—я знаю, что учиться необходимо надо, но... ты знаешь положеніе нашей семьи.. Знаешь: Ариша, Душа.. Что съ нами будетъ.. отецъ ни за что не хочетъ вѣзтися..

— Павелъ! знаю, все знаю! и объ этомъ сколько уже передумалъ, если-бы ты зналъ! И теперъ рѣшился.. Я надѣюсь на тебя.. и главное—духомъ не падади! Ты тутъ все будешь отдавать для семьи.. Отецъ тоже возмется..

— Ну, а ты какъ-же?—перобилъ его Павелъ.

— Обо мнѣ что!.. Я не пропаду!—Видя, что братъ ему сочувствуетъ и, только сомнѣваясь въ немъ (кажеть, спрашивая его объ этомъ, Пахомъ продолжалъ восторженно: тутъ, «наша, старайся, чтобы сестренка» не оставить.. А я что!.. вотъ видишь мои эти руки —я оиъ кричко сжаль нуками, напрягъ мускулы и любовался ихъ кривостью.. Ты знаешь-вѣдь, что мы никакой работы не беремъ.. д. ставалось вѣдь, всегди! Будемъ я камень ломать, и лѣтъ рубить, и землю возить, лишь бы ухватъ, лишь бы на курсы понасты!.. Теперъ я хочу такъ: на дорогу заработаю рублей тридцать и пошелъ!..

— Эхъ! Пахомъ!..—не вытерпѣлъ Павелъ, и, не находилъ словъ для сочувствія, приговаривалъ: валь, учись!.. Погоди, братъ!.. Теперъ и мы будемъ..—какъ будто бы кому то угрожал, говорилъ оиъ,—вотъ какъ у нас!

Наговорившись вдоволь и засмыкая, братья были такъ довольны и веселы, какъ никогда почти въ свою сознательную жизнь: одинъ—за съсущество, другой—за смѣхъ брата.

Прошли два мѣсяца, тяжелыя мѣсяца для Пахова: приходилось еженежно выслушивать отъ отца и матери упреки и угрозы: и женитьбу и тѣмъ, что не дадутъ паспорта—и чего-то не говорилось, я, наконецъ, прокляти:

— Итъ тебѣ, непослушному, сину въ благословеніи моего, ни жалости къ тебѣ никакой—увѣжай и продади тамъ!..

Почти всегда такъ заканчивала мать свои угрозы. Но Пахомъ уже собрался. Съ утра оиъ сложилъ нужныя вещи и дожидаль покаянъ въ это время долженъ былъ отходить пароходъ..

Мать все еще поглядывала кося и въиспольно разе пробовала говорить, какъ бы ни къ кому не обращалась:

— Не послушная, не можеть жить, какъ люди.. Учатся оиъ повзлетъ!..—съ сердцемъ заканчивала она Она никакъ не могла примириться со словомъ «учиться» и спокойно не могла его произнести.

Когда Пахомъ уже сложилъ вещи на извозчика и, прощаясь со вѣтромъ, подошелъ къ отцу, отецъ не захотѣлъ прощаться и сказалъ: «увѣжай, увѣжай.. ты мнѣ не сынъ. Ничего отъ меня итъ тебѣ!..—И при этомъ вышвырнулъ изъ избы!..

Пароходъ подаль уже первый свистокъ, и Павелъ, прощаясь съ братомъ, жалъ криво ко его руку и говорилъ: «счастливаго, счастливаго пути!».. Оба оиъ волновались и не находили словъ высказать своего чувства, но оиъ по взглядамъ, по пожатію руки понимали другъ друга..

рамъ главной улицы города. Съ унылаго свинцоваго неба тучами смылились свѣжии ки и живій морозный вѣтеръ кружилъ ихъ въ воздухѣ и рвалъ липо. По всей ширинѣ улицъ растаялись въ полномъ беспорядкѣ крестьянскіе возы съ дровами и сѣномъ, стѣсня донельзя движенье; между ними лавировали извозчики съ побогрѣвшами отъ холода лѣтями и закутаннми сѣдоками, порой мчалась «собственное» рыскае, трусила «собственная» кляча; по тротуарамъ торолливо сновали вады и впередъ прохаживе, подгоняемые морозомъ. Но вотъ впередъ обычное безпроявляющее уличное движенье пришло въ полное замѣшательство: надъ шапками людей, черъ дугами и головами лоп адей покъзалась черная крыша балдахина, послышалось заунывное гвѣние. Возы и извозчики кое какъ сбѣжали къ тротуарамъ, давая мѣсто похоронной процессіи Я оставилась, чтобы поплавать.

Впередъ, очищая улицу, вѣхали три конныхъ городоныхъ: ихъ красныя, устатая фэзиономъ, скаймленныя края балдахковъ, побѣлѣвшихъ отъ инея, поворачивались то вправо, то влѣво; нагалии стражей порядка то усмирляя лошадей, пытавшихся погвѣряться на рыси, то приходили въ соприкосновеніе съ сплываиы крестьянъ, не сворачивавшихъ вонрѣя съ дороги.

«Вѣстнику мира и законности—отъ профессора университета».

«Слѣдую борцу за порядокъ—отъ городской полиціи».

«Гастельтъ социальнаго пожара—отъ добровольнаго пожарнаго общества».

«Вѣрному союзнику въ борьбѣ съ криволю—отъ союза истинно-русскихъ людей».

«Стойкому заштатнику самоубитыхъ устоетовъ—отъ членовъ русскаго соборанія».

«Далекому соратнику и другу—отъ А. С. Суворова и редакціи Новаго Времени».

«Дальновидному обявлятелю революціонерствъ—отъ редакціи Московскихъ Вѣдомъ».

«Противнику союзствъ и забастовокъ—отъ начальниковъ отдѣльныхъ частей».

«Взвременно почившему дѣтисцу—отъ союза 17 октября».

«Жертгѣ общественаго легкомыслия—отъ убитыхъ горемъ сотрудничавъ».

«Безкорыстному другу—отъ гласныхъ городской думы»».

«Столько вѣнковъ и такіа надписи! Очевидно важная особа, известная по своей общественной дѣятельности даже за Ураломъ», подумалъ я съ грустью.

За колонней въ первомъ ряду шествовалъ старецъ, убульбены сѣдинами; несмотря на жестокий морозъ, оиъ обнажилъ свою голову, а слезы, капавшія изъ глазъ, замерзали сосульками на бѣлой бородѣ;

новъ, которымъ покойница платала такъ щедро».

И которые щедро портали ее рѣшательную», охотно прибавилъ отъотъ; «заманчиво доносима и клеветовъ..

Я не вытерпѣлъ. Да скажите же наконецъ толковъ, господа, кто была покойница, какъ ее звали?»

«Вы съ дуемъ свалились кто ли? Не знаете о важномъ событіи, встревожившемъ весь городъ! Покойница называлась.. ния Но я такъ и не успѣлъ услышать, кто то за и звание странной покойницы: кто то началъ кричать «поляр!» чьи то губы расхватали меня за плечи и вытолкнули изъ толпы; я поскользнулся, свалился вонъ тротуара и пропусали..

Сѣвѣ мерзала на ночномъ столбѣ, а въ моихъ рукахъ дымился обрывокъ газеты; жена тушила остальное на полу ногабъ ироніи; въ комнатѣ пахло гарью.

«Не говорила ли я тебѣ сто разъ, что ты когда нибудь пожаръ надѣлываешь, читая газету въ постели при свѣчѣ, въ обстановкѣ такую, отъ которой поудержно клонитъ ко сну!» ворчала моя сеструта..

Ш. Ершъ.

Собольевъ. Милославскій.